

НИГМА
Москва
2017

А. Н. ТОЛСТОЙ

БОРОЧЬИ
СКАЗКИ

ХУДОЖНИК ЯНА СЕДОВА

а калиновым мостом, на малиновом кусту калачи медовые росли да пряники с начинкой. Каждое утро прилетала сорока-белобока и ела пряники.

Покушает, почистит носок и улетит детей пряниками кормить. Раз спрашивает сороку синичка-птичка:

— Откуда, тётя, ты пряники с начинкой таскаешь? Моим детям тоже бы их поесть охота. Укажи мне это доброе место.

— А у чёрта на кулижках¹, — отвечала сорока-белобока, обманула синичку.

— Неправду ты говоришь, тётя, — пискнула синичка-птичка, — у чёрта на кулижках одни сосновые шишки валяются, да и те пустые. Скажи — всё равно выслежу.

Испугалась сорока-белобока, пожадничала. Полетела к малиновому кусту и съела и калачи медовые, и пряники с начинкой, всё дочиста.

И заболел у сороки живот. Насилу домой доплелась. Сорочат растолкала, легла и охает...

— Что с тобой, тётя? — спрашивает синичка-птичка. — Или болит чего?

— Трудилась я, — охает сорока, — истомилась, кости болят.

— Ну, то-то, а я думала другое что, от другого чего я средство знаю: трава Сандрит, от всех болезней целит.

¹ Кулижки (кулички) — здесь: болотистые, отдалённые, глухие места в лесу, которые, согласно народным поверьям, населены нечистой силой.

МЫШКА

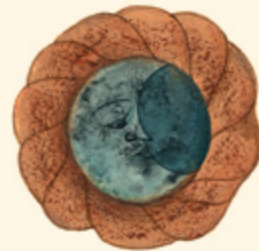
— А где Сандрит-трава растёт? — взмолилась сорока-белобока.

— А у чёрта на кулижках, — ответила синичка-птичка, крыльшками детей закрыла и заснула.

«У чёрта на кулижке одни сосновые шишки, — подумала сорока, — да и те пустые», — и затосковала: очень живот болел у белобокой.

И с боли да тоски на животе сорочьем перья все повылезли, и стала сорока — голобока.

От жадности.

Но чистому снегу бежит мышка, за мышкой дорожка, где в снегу лапки ступали. Мышка ничего не думает, потому что в голове у неё мозгу — меньше горошины.

Увидала мышка на снегу сосновую шишку, ухватила зубом, скребёт и всё чёрным глазом поглядывает — нет ли хоря.

А злой хорь по мышиним следам ползёт, красным хвостом снег метёт.

Рот разинул — вот-вот на мышку кинется...

Вдруг мышка царапнула нос о шишку, да с перепугу — нырь в снег, только хвостом вильнула. И нет её.

Хорь даже зубами скрипнул — вот досада. И побрёл, побрёл хорь по белому снегу. Злющий, голодный — лучше не попадайся.

А мышка так ничего и не подумала об этом случае, потому что в голове мышиной мозгу меньше горошины. Так-то.

В поле — тын¹, под тыном — собачья голова, в голове толстый жук сидит с одним рогом посреди лба.

Шёл мимо козёл, увидал тын, — разбежался да как хватит в тын головой, — тын закричал, рог у козла отлетел.

— То-то, — жук сказал, — с одним-то рогом сподручнее, иди ко мне жить.

Полез козёл в собачью голову, только морду ободрал.

— Ты и лазить-то не умеешь, — сказал жук, крылья раскрыл и полетел.

Прыгнул козёл за ним на тын, сорвался и повис на тыну.

Шли бабы мимо тына — бельё полоскать, сняли козла и вальками² отлупили.

Пошёл козёл домой без рога, с драной мордой, с помятыми боками.

Шёл — молчал.

Смехота, да и только.

¹ Тын — забор из вертикально поставленных брёвен, жердей.

² Валёк — плоский деревянный брусок с ручкой для выколачивания белья при полоскании.

елёнок увидел ежа и говорит:

— Я тебя съем!

Ёж не знал, что телёнок ежей не ест, испугался, клубком свернулся и фыркнул:

— Попробуй.

Задрав хвост, запрыгал глупый телёнок, боднуть норовит, потом растопырил передние ноги и лизнул ежа.

— Ой, ой, ой! — заревел телёнок и побежал к корове-матери, жалуется:

— Ёж меня за язык укусил.

Корова подняла голову, поглядела задумчиво и опять принялась траву рвать.

А ёж покотился в тёмную нору под рябиновый корень и сказал ежихе:

— Я огромного зверя победил, должно быть, льва!

И пошла слава про храбрость ежову за синее озеро, за тёмный лес.

— У нас ёж — богатырь, — шёпотом со страху говорили звери.

ПОД ОСИНОЙ СПАЛА ЛИСА И ВИДЕЛА ВОРОВСКИЕ СНЫ.
Спит лиса, не спит ли — всё равно нет от неё житья зверям.

И ополчились на лису — ёж, дятел да ворона.

Дятел и ворона вперёд полетели, а ёж следом покатился.

Дятел да ворона сели на осину...

— Тук... тук... тук... — застучал дятел клювом по коре.

И лиса увидела сон — будто страшный мужик топором машет, к ней подбирается.

Ёж к осине подбегает, и кричит ему ворона:

— Карр ёж!.. Карр ёж!..

«Кур ешь, — думает лиса, — догадался проклятый мужик».

А за ежом ежиха да ежата катятся, пыхтят, переваливаются...

— Карр ежи! — заорала ворона.

«Караул, вяжи!» — подумала лиса, да как спросонок вскочит, а ежи её иголками в нос...

— Отрубили мой нос, смерть пришла, — ахнула лиса и — бежать.

Прыгнул на неё дятел и давай долбить лисе голову.

А ворона вдогонку: «Карр».

С тех пор лиса больше в лес не ходила, не воровала.

Выжили душегуба.

ПЕТИТ ПО СНЕГУ ПОЗЁМКА¹, МЕТЁТ СУГРОБ НА СУГРОБ... На кургане поскрипывает сосна:
— Ох, ох, кости мои старые, ноченька-то разыгралась, ох, ох...

Под сосной, насторожив уши, сидит заяц.

— Что ты сидишь, — стонет сосна, — съест тебя волк, — убежал бы.

— Куда мне бежать, кругом бело, все кустики замело, есть нечего...

— А ты порой, поскреби.

— Нечего искать, — сказал заяц и опустил уши.

— Ох, старые глаза мои, — закричала сосна, — бежит кто-то, должно быть, волк, — волк и есть.

Заяц заметался.

— Спрячь меня, бабушка...

— Ох, ох, ну, прыгай в дупло, косой.

Прыгнул заяц в дупло, а волк подбегает и кричит сосне:

— Сказывай, старуха, где косой?

— Почём я знаю, разбойник, не стерегу я зайца, вон ветер как разгулялся, ох, ох...

¹ Позёмка — метель без снегопада, во время которой снег переносится ветром по поверхности земли или снежного покрова.

Метнул волк серым хвостом, лёг у корней, голову на лапы положил. А ветер свистит в сучьях, крепчает...

— Не вытерплю, не вытерплю, — скрипит сосна.

Снег гуще повалил, налетел лохматый буран, подхватил белые сугробы, кинул их на сосну.

Напружилась¹ сосна, крякнула и сломалась...

Серого волка, падая, до смерти зашибла...

Замело их бураном обоих.

А заяц из дупла выскочил и запрыгал куда глаза глядят.

«Сирота я, — думал заяц, — была у меня бабушка-сосна, да и ту замело...»

И капали в снег пустяковые заячьи слёзы.

¹ Напружиться — сделать усилие, напрячься.

КОТ ВАСЬКА

Васьки-кота поломались от старости зубы, а ловить мышей большой был охотник Васька-кот.

Лежит целые дни на тёплой печурке и думает — как бы зубы поправить...

И надумал, а надумавши, пошёл к старой колдунье.

— Баушка, — замурлыкал кот, — приставь мне зубы, да острые, железные, костяные-то я давно обломал.

— Ладно, — говорит колдунья, — за это отдашь мне то, что поймашь в первый раз.

Поклялся кот, взял железные зубы, побежал домой.

Не терпится ему ночью, ходит по комнате, мышей вынюхивает.

Вдруг будто мелькнуло что-то, бросился кот, да, видно, промахнулся.

Пошёл — опять метнулось.

«Погоди же!» — думает кот Васька, остановился, глаза скосил и поворачивается, да вдруг как прыгнет, завертелся волчком и ухватил железными зубами свой хвост.

Откуда ни возмись явилась старая колдунья.

— Давай, — говорит, — хвост по уговору.

Заурлыкал кот, замыкал, слезами облился. Делать нечего. Отдал хвост. И стал кот — куцый¹. Лежит целые дни на печурке и думает: «Пропади они, железные зубы, пропадом!»

¹ Куцый — бесхвостый, с обрезанным хвостом.

СОВА И КОТ

В дубовом дупле жила белая сова — лунь-птица¹, у совы было семь детёнышей, семь родных сыновей.

Раз ночью улетела она — мышей половить и яиц напиться.

А мимо дуба шёл дикий, лесной кот. Услыхал кот, как совята пищат, залез в дупло и поел их — всех семь.

Наевшись, тут же, в тёплом гнезде, свернулся и заснул.

Прилетела сова, глянула круглыми глазами, видит — кот спит. Всё поняла.

— Котик лесной, — запела сова сладким голосом, — пусти переночевать, студёно в лесу-то.

Кот спросонок не разобрал и пустил сову.

Легли они в дупле рядышком. Сова и говорит:

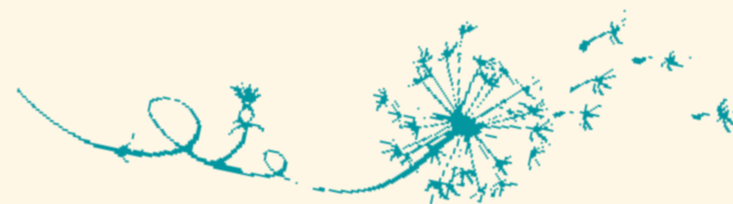
— Отчего у тебя, кот, усы в крови?

— Ушибся, кума, рану лизал.

— А отчего у тебя, кот, рыльце в пуху?²

— Сокол меня трепал, насили ушёл я от него.

— А отчего у тебя, кот, глаза горят?

¹ Лунь-птица — порода хищных птиц, самки которых отличаются серовато-белым оперением.

² Рыльце в пуху — иронично о том, кто причастен к неблагоприятному поступку, действию, событию. В сказке выражение используется в прямом смысле.

Обняла сова кота лапами и выпила глаза его.
Клюв о шерсть вытерла и закричала:

Совят!

Семь, семь.

Совят!

Кот съел.

По зелёной траве-мураве ходят куры, на колесе белый петух стоит и думает: пойдёт дождь или не пойдёт? Склонив голову, одним глазом на тучу посмотрит и опять думает.

Чешется о забор свинья.

— Чёрт знает, — ворчит свинья, — сегодня арбузные корки опять отдали корове.

— Мы всегда довольны! — хором сказали куры.

— Дуры! — хрюкнула свинья. — Сегодня я слышала, как божилась хозяйка накормить гостей курятиной.

— Как, как, как, как, что такое? — затараторили куры.

— Поотвертят вам головы — вот и «как что такое», — проворчала свинья и легла в лужу.

Сверху вниз задумчиво посмотрел петух и молвил:

— Куры, не бойтесь, от судьбы не уйдёшь. А я думаю, что дождь будет. Как вы, свинья?

— А мне всё равно.

— Боже мой, — заговорили куры, — вы, петух, предаётесь праздным разговорам, а между тем из нас могут сварить суп.

Петуха это насмешило, он хлопнул крыльями и кукарекнул:

— Меня, петуха, в суп — никогда!

Куры волновались.

В это время на порог избы вышла с огромным ножом хозяйка и сказала:

— Всё равно, — он старый, его и сварим.

И пошла к петуху.

Петух взглянул на неё, но гордо продолжал стоять на колесе.
Но хозяйка подходила, протянула руку...

Тогда почувствовал он зуд в ногах и побежал очень шибко:
чем дальше, тем шибче.

Куры разлетелись, а свинья притворилась спящей.

«Пойдёт дождь или не пойдёт?» — думал петух, когда его,
пойманного, несли на порог, чтобы рубить голову.

И, как жил он, так и умер, — мудрецом.

Идут с речки по мёрзлой траве белые гуси, впереди
злой гусак шею вытягивает, шипит:
— Попадись мне кто, — защиплю.
Вдруг низко пролетела лохматая галка и крикнула:

— Что, поплавали! Вода-то замёрзла.

— Шушура!¹ — шипит гусак.

За гусакom переваливаются гусенята, а позади — старая гусы-
ня. Гусыне хочется снести яйцо, и она уныло думает: «Куда мне,
на зиму глядя, яйцо нести?»

А гусенята вправо шейки нагнут и пощиплют щавель и влево
шейки нагнут и пощиплют.

Лохматая галка боком по траве назад летит, кричит:

— Уходите, гуси, скорей, у погребницы² ножи точат, свиней ко-
лют и до вас, гусей, доберутся.

Гусак на лету, с шипом, выхватил галке перо из хвоста, а гу-
сыня расколыхалась:

— Вертихвостка, орёшь — детей моих пугаешь.

— Щавель, щавель, — шепчут гусенята, — помёрз, помёрз.

Миновали гуси плотину, идут мимо сада, и вдруг по дороге
им навстречу бежит голая свинья, ушами трясёт, а за ней бежит
работник, засучивает рукава.

¹ Шушура (искаж. шушера) — ничтожные или дурные люди; сброд.

² Погребница — строение над погребом.

Наловчился работник, ухватил свинью за задние ноги и поволок по мёрзлым кочкам. А гусак работника за икры, с вывертом, шипом щипал, хватом хватал.

Гусенята отбежали, смотрят, нагнув головы.

Гусыня, охая, засемила к мёрзлому болоту.

— Го, го, — закричал гусак, — все за мной!

И помчались гуси полулётном на двор. На птичьем дворе стряпуха точила ножи, гусак к корыту подбежал, отогнал кур да уток, сам наелся, детей накормил и, зайдя сзади, ущипнул стряпуху.

— Ах, ты! — ахнула стряпуха, а гусак отбежал и закричал:

— Гуси, утки, куры, все за мной!

Взбежал гусак на пригорок, белым крылом махнул и крикнул:

— Птицы, все, сколько ни есть, летим за море! Летим!

— Под облака! — закричали гусенята.

— Высоко, высоко! — кокали куры.

Подул ветерок.

Гусак посмотрел на тучку, разбежался и полетел.

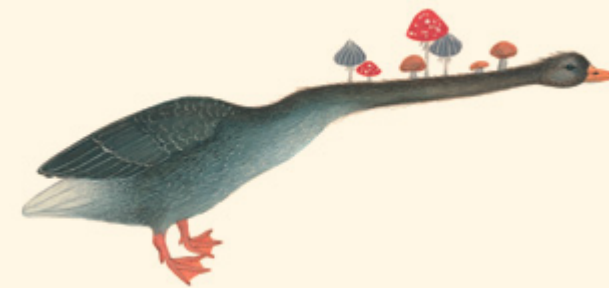
За ним прыгнули гусенята и тут же попадали — уж очень зобы понабили. Индюк замотал сизым носом, куры со страху разбежались, утки, приседая, крякали, а гусыня расстроилась, расплакалась — вся вспухла.

— Как же я, как же я с яйцом полечу!

Подбежала стряпуха, погнала птиц на двор.

А гусак долетел до облака. Мимо треугольником дикие гуси плыли. Взяли дикие гуси гусака с собой за море. И гусак кричал:

— Гуси, куры, утки, не поминайте лихом...

ратца звали Иван, а сестрицу — Косичка. Мамка была у них сердитая: посадит на лавку и велит молчать. Сидеть скучно, мухи кусаются или Косичка щипнёт — и пошла возня, а мамка рубашонку задерёт да — шлёп...

В лес бы уйти, там хоть на голове ходи — никто слова не скажет...

Подумали об этом Иван да Косичка да в тёмный лес и удрали. Бегают, на деревья лазают, кувыркаются в траве, — никогда визга такого в лесу не было слышно.

К полудню ребяташки утомонились, устали, захотели есть. — Поесть бы, — захныкала Косичка.

Иван начал живот чесать — догадываться.

— Мы гриб найдём и съедим, — сказал Иван. — Пойдём, не хнычь.

Нашли они под дубом боровика и только сорвать его нацелились, Косичка зашептала:

— А может, грибу больно, если его есть?

Иван стал думать. И спрашивает:

— Боровик, а боровик, тебе больно, если тебя есть?

Отвечает боровик хрипучим голосом:

— Больно.

Пошли Иван да Косичка под берёзу, где рос подберёзовик, и спрашивают у него:

— А тебе, подберёзовик, если тебя есть, больно?

— Ужасно больно, — отвечает подберёзовик.

Спросили Иван да Косичка под осиной подосинника, под сосной — белого, на лугу — рыжика, груздя сухого да груздя мокрого, синявку-малявку¹, опёнку тощую, масленника, лисичку и сыроежку.

— Больно, больно, — пищат грибы.

А груздь мокрый даже губами зашлёпал:

— Што вы ко мне приштали, ну ваш к лешему...

— Ну, — говорит Иван, — у меня живот подвело.

А Косичка дала рёву.

Вдруг из-под прелых листьев вылезает красный гриб, словно мукой сладкой обсыпан — плотный, красивый.

Ахнули Иван да Косичка:

— Миленький гриб, можно тебя съесть?

— Можно, детки, можно, с удовольствием, — приятным голосом отвечает им красный гриб, так сам в рот и лезет.

Присели над ним Иван да Косичка и только разинули рты, — вдруг откуда ни возьмись налетают грибы: боровик и подберёзовик, подосинник и белый, опёнка тощая и синявка-малявка, мокрый груздь да груздь сухой, масленник, лисички и сыроежки, и давай красного гриба колотить-колошматить:

— Ах ты, яд, Мухомор, чтобы тебе лопнуть, ребятишек травить удумал...

С Мухомора только мука летит.

— Посмеяться я хотел, — вопит Мухомор...

— Мы тебе посмеёмся! — кричат грибы и так навалились, что осталось от Мухомора мокрое место — лопнул.

И где мокро осталось, там даже трава завяла с мухоморьего яда...

¹ Синявка — съедобный гриб: сыроежка либо рядовка.

— Ну, теперь, ребятишки, раскройте рты по-настоящему, — сказали грибы.

И все грибы до единого к Ивану да Косичке, один за другим, скок в рот — и проглотились.

Наелись до отвала Иван да Косичка и тут же заснули.

А к вечеру прибежал заяц и повёл ребятишек домой.

Увидела мамка Ивана да Косичку, обрадовалась, всего по одному шлепку отпустила, да и то любя, а зайцу дала капустный лист:

— Ешь, барабанщик!

РАЧЬЯ СВАДЬБА

рaчoнoк сидит на ветке у пруда. По воде плывёт сухой листок, в нём — улитка.

— Куда ты, тётя, плывёшь? — кричит ей грачонок.

— На тот берег, милый, к раку на свадьбу.

— Ну, ладно, плыви.

Бежит по воде паучок на длинных ножках, станет, огребнётся¹ и дальше пролетит.

— А ты куда?

Увидел паучок у грачонка жёлтый рот, испугался.

— Не трогай меня, я — колдун, бегу к раку на свадьбу.

Из воды головастик высунул рот, шевелит губами.

— А ты куда, головастик?

— Дышу, чай, видишь, сейчас в лягушку хочу обратиться, по скачу к раку на свадьбу.

Трещит, летит над водой зелёная стрекоза.

— А ты куда, стрекоза?

— Плясать лечу, грачонок, к раку на свадьбу...

«Ах ты, штука какая, — думает грачонок, — все туда торопятся».

Жужжит пчела.

¹ Огребаться (огрестись) — сгребать с себя что-нибудь.

— И ты, пчела, к раку?

— К раку, — ворчит пчела, — пить мёд да брагу.

Плывёт краснопёрый окунь, и взмолился ему грачонок:

— Возьми меня к раку, краснопёрый, летать я ещё не мастер, возьми меня на спину.

— Да ведь тебя не звали, дуралей.

— Всё равно, глазком поглядеть...

— Ладно, — сказал окунь, высунул из воды крутую спину, грачонок прыгнул на него, — поплыли.

А у того берега на кочке справлял свадьбу старый рак. Рачиха и рачата шевелили усищами, глядели глазищами, щёлкали клешнями, как ножницами.

Ползала по кочке улитка, со всеми шепталась — сплетничала.

Паучок забавлялся — лапкой сено косил.

Радужными крылышками трещала стрекоза, радовалась, что она такая красивая, что все её любят.

Лягушка надула живот, пела песни. Плясали три пескарика и ёрш.

Рак-жених держал невесту за усище, кормил её мухой.

— Скушай, — говорил жених.

— Не смею, — отвечала невеста, — дяденьки моего жду, окуня...

Стрекоза закричала:

— Окунь, окунь плывёт, да какой он страшный, с крыльями.

Обернулись гости...

По зелёной воде что есть духу мчался окунь, а на нём сидело чудище чёрное и крылатое с жёлтым ртом.

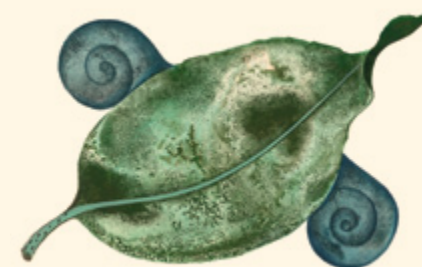
Что тут началось... Жених бросил невесту, да — в воду; за ним — раки, лягушка, ёрш да пескарики; паучок обмер, лёг на спинку; затрещала стрекоза, насилу улетела.

Подплывает окунь — пусто на кочке, один паучок лежит и тот, как мёртвый...

Скинул окунь грачонка на кочку, ругается:

— Ну, что ты, дуралей, наделал... Недаром тебя, дуралея, и звать-то не хотели...

Ещё шире разинул грачонок жёлтый рот, да так и остался — дурак дураком на весь век.

ПОРТОЧКИ

или-были три бедовых внучонка: Лёшка, Фомка и Нил. На всех троих одни только порточки приходились, синенькие, да и те были с трухлявой шириной.

Поделить их — не поделишь и надеть неудобно — из ширины рубашка заячьим ухом торчит.

Без порточек горе: либо муха под коленку укусит, либо ребята стегнут хворостинкой, да так ловко, — до вечера не отчешешь битое место.

Сидят на лавке Лёшка, Фомка и Нил и плачут, а порточки у двери на гвоздике висят.

Приходит чёрный таракан и говорит мальчишкам:

— Мы, тараканы, всегда без порточек ходим, идите жить с нами.

Отвечает ему старший — Нил:

— У вас, тараканов, зато усы есть, а у нас нет, не пойдём жить с вами.

Прибегает мышка.

— Мы, — говорит, — то же самое без порточек обходимся, идите с нами жить, с мышами.

Отвечает ей средний — Фомка:

— Вас, мышей, кот ест, не пойдём к мышам.

Приходит рыжий бык; рогатую голову в окно всунул и говорит:

— И я без порток хожу, идите жить со мной.

— Тебя, бык, сеном кормят — разве это еда? Не пойдём к тебе жить, — отвечает младший — Лёшка.

Сидят они трое, Лёшка, Фомка и Нил, кулаками трут глаза и ревут. А порточки соскочили с гвоздика и сказали с поклоном:

— Нам, трухлявым, с такими привередниками водиться не приходится, — да шмыг в сени¹, а из сеней за ворота, а из ворот на гумно², да через речку — поминай как звали.

Покаялись тогда Лёшка, Фомка и Нил, стали прощения у таракана, у мыша да у быка просить.

Бык простил, дал им старый хвост — мух отгонять.

Мышь простила, сахару принесла — ребятишкам давать, чтоб не очень больно хворостиной стегали. А чёрный таракан долго не прощал, потом всё-таки отмяк и научил тараканьей мудрости:

— Хоть одни и трухлявые, а всё-таки порточки.

¹ Сени — помещение между жилой частью дома и крыльцом.

² Гумно — огороженный участок земли, предназначенный для хранения и обработки зерна.

Ползёт муравей, волокёт соломину.

А ползти муравью через грязь, топь да мохнатые кочки; где вброд, где соломину с края на край переметнёт да по ней и переберётся.

Устал муравей, на ногах грязища — пудовики, усы измочил. А над болотом туман стелется, густой, непролазный — зги не видно¹.

Сбился муравей с дороги и стал из стороны в сторону метаться — светляка искать...

— Светлячок, светлячок, зажги фонарик.

А светлячку самому впору ложись — помирай, — ног-то нет, на брюхе ползти не спорно.

— Не успею я за тобой, — охает светлячок, — мне бы в колокольчик залезть, ты уж без меня обойдись.

Нашёл колокольчик, заполз в него светлячок, зажжёт фонарик, колокольчик просвечивает, светлячок очень доволен.

Рассердился муравей, стал у колокольчика стебель грызть.

А светлячок перегнулся через край, посмотрел и принялся звонить в колокольчик.

И сбежались на звон да на свет звери: жуки водяные, ужишки, комары да мышкы, бабочки-полуношницы. Повели топить муравья в непролазные грязи.

¹ Зги не видно — так темно, что ничего нельзя различить; ничего не видно.

Муравей плачет, упрашивает:

— Не топите меня, я вам муравьиного вина дам.

— Ладно.

Достали звери сухой лист, нацедил муравей туда вина; пьют звери, похваляют.

Охмелели, вприсядку пустились.

А муравей — бежать.

Подняли звери пискотню, шум да звон и разбудили старую летучую мышь. Спала она под балконной крышей, кверху ногами. Вытянула ухо, сорвалась, нырнула из темени к светлому колокольчику, прикрыла зверей крыльями да всех и съела.

Вот что случилось тёмною ночью, после дождя, в топучих болотах, посреди клумбы, около балкона.

а избушке бабы-яги, на деревянной ставне, вырезаны девять петушков. Красные головки, крылышки золотые.

Настанет ночь, проснутся в лесу древяницы¹ и кикиморы², примутся ухать да возиться, и захочется петушкам тоже ноги поразмять.

Соскочат со ставни в сырую траву, нагнут шейки и забегают. Щиплют траву, дикие ягоды. Леший попадётся, и лешего за пятку ущипнут.

Шорох, беготня по лесу.

А на заре вихрем примчится баба-яга на ступе с трещиной и крикнет петушкам:

— На место, бездельники!

Не смеют ослушаться петушки и, хоть не хочется, — прыгают в ставню и делаются деревянными, как были.

Но раз на заре не явилась баба-яга — ступа дорогой в болоте завязла.

¹ Древяницы — мифологические существа, духи и хранители деревьев.

² Кикимора — злой дух в образе крохотной безобразной старушки, беспокоящей по ночам маленьких детей, досаждающей хозяевам, причиняющей вред домашним животным и птицам.

Радёхоньки петушки; побежали на чистую кулижку¹, взлетели на сосну. Взлетели и ахнули.

Дивное диво! Алой полосой над лесом горит небо, разгорается; бегают ветер по листикам; садится роса.

А красная полоса разливается, яснее. И вот выкатило огненное солнце.

В лесу светло, птицы поют, и шумят, шумят листья на деревьях. У петушков дух захватило. Хлопнули они золотыми крылышками и запели — кукареку! С радости.

А потом полетели за дремучий лес на чистое поле, подальше от бабы-яги.

И с тех пор на заре просыпаются петушки и кукуречут.
— Кукуреку, пропала баба-яга, солнце идёт!

¹ Кулижка — здесь: лесная поляна, расчищенная для вспашки.

Жил у старика на дворе сивый¹ мерин², хороший, толстый, губа нижняя лопатой, а хвост лучше и не надо, как труба, во всей деревне такого хвоста не было. Не наглядится старик на сивого, всё похваливает. Раз ночью пронюхал мерин, что овёс на гумне молотили, пошёл туда, и напали на мерина десять волков, поймали, хвост ему отъели, — мерин брыкался, брыкался, отбрыкался, ускакал домой без хвоста.

Увидел старик поутру мерина куцего и загоревал — без хвоста всё равно что без головы — глядеть противно. Что делать?

Подумал старик да мочальный хвост мерину и пришил.

А мерин — вороват, опять ночью на гумно за овсом полез.

Десять волков тут как тут; опять поймали мерина, ухватили за мочальный хвост, оторвали, жрут и давятся — не лезет мочала в горло волчье.

А мерин отбрыкался, к старику ускакал и кричит:

— Беги на гумно скорей, волки мочалкой давятся.

Ухватил старик кол, побежал.

Глядит — на току³ десять серых волков сидят и кашляют.

¹ Сивый — серый, серовато-сизый.

² Мерин — самец домашней лошади.

³ Ток — место, где слетаются птицы, поют и кричат. Здесь используется с иронией.

Старик — колом, мерин — копытом и приударили на волков.
Взвыли серые, прощения стали просить.

— Хорошо, — говорит старик, — прощу, пришейте только мерину хвост.

Взвыли ещё раз волки и пришили.

На другой день вышел старик из избы, дай, думает, на сивого посмотрю; глянул, а хвост у мерина крючком — волчий.

Ахнул старик, да поздно: на заборе ребяташки сидят, покатываются, гогочут.

— Дедка-то — лошадям волчьи хвосты выращивает.

И прозвали с тех пор старика — хвостырь.

Вошёл верблюд на скотный двор и охает:

— Ну, уж и работничка нового наняли, только и норовит палкой по горбу ожечь — должно быть, цыган.

— Так тебе, долговязому, и надо, — ответил карий мерин, — глядеть на тебя тошно.

— Ничего не тошно, чай у меня тоже четыре ноги.

— Вон у собаки четыре ноги, а разве она скотина? — сказала корова уныло. — Лает да кусается.

— А ты не лезь к собаке с рожищами, — ответил мерин, а потом махнул хвостом и крикнул верблюду:

— Ну, ты, долговязый, убирайся от колоды!¹

А в колоде завалено было вкусное месиво.

Посмотрел верблюд на мерина грустными глазами, отошёл к забору и принялся пустую жвачку есть. Корова опять сказала:

— Плюётся очень верблюд-то, хоть бы издох...

— Издох! — ахнули овцы все сразу.

А верблюд стоял и думал, как устроить, чтобы уважать его на скотном дворе стали.

В это время пролетал в гнездо воробей и пискнул мимолётом:

— Какой ты, верблюд, страшный, право!

— Ага! — догадался верблюд и заревел, словно доску где сломали.

¹ Колода — род деревянного корыта, бревно с выдолбленной серединой.

— Что это ты, — сказала корова, — спятил?

Верблюд шею вытянул, потрепал губами, замотал тощими шишками:

— А посмотрите-ка, какой я страшный... — и подпрыгнул.

Уставились на него мерин, корова и овцы... Потом как шарахнутся, корова замычала, мерин, оттопырив хвост, ускакал в дальний угол, овцы в кучу сбились.

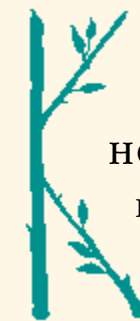
Верблюд губами трепал, кричал:

— Ну-ка, погляди!

Тут все, даже жук навозный, с перепугу со двора устрекнули¹.

Засмеялся верблюд, подошёл к месиву и сказал:

— Давно бы так. Без ума-то оно ничего не делается. А теперь поедим вволю...

ночи стряпуха умаялась, заснула на полу около печи и так захрапела — тараканы обмирали со страха, шлёпались, куда ни попало, с потолка да со стен.

В лампе над столом пованивал голубой огонёк.

И вот в печке сама собой отодвинулась заслонка, вылез пузатый горшок со щами и снял крышку.

— Здравствуй, честной народ.

— Здравствуй, — важно ответила квашня¹.

— Хи, хи, — залебезил глиняный противень, — здравствуйте! — и клюнул носиком.

На противень покосилась скалка.

— Не люблю подлых бесед, — сказала она громко, — ох, чешутся чьи-то бока.

Противень нырнул в печурку на шестке.

— Не трогай его, — сказал горшок.

Грязный нос вытерла худая кочерга и зашмыгала:

— Опять ругаетесь, нет на вас Угомону²; мотаешься, мотаешься целый день, а ночью поспать не дадут.

— Кто меня звал? — шибыркнул Угомон под печкой.

— Это не я, а кочерга, это она сегодня по спине стряпуху съездила, — сказала скалка.

¹ Устрекнуть — дать стрекача, уйти, убежать, скрыться.

¹ Квашня — деревянная или глиняная посуда для заквашивания теста.

² Угомон — существо из славянской мифологии, наводит сон.

Кочерга метнулась:

— И не я, а ухват, сам хозяин ухватом съездил стряпуху.

Ухват, расставив рога, дремал в углу, ухмылялся.

Горшок надул щёки и сказал:

— Объявляю вам, что варить щей больше не желаю, у меня в боку трещина.

— Ах, батюшки! — разохалась кочерга.

— Не больно надо, — ответила скалка.

Противень выскочил из печурки и заюлил:

— Трещина, замазочкой бы, тестом тоже помогает.

— Помажь тестом, — сказала квашня.

Грызёная ложка соскочила с полки, зачерпнула тесто и помазала горшок.

— Всё равно, — сказал горшок, — надоело, лопну я и замазанный.

Квашня стала пучиться и пузырями щёлкать — смеялась.

— Так вот, — говорил горшок, — хочу я, честной народ, шлёпнуться на пол и расколоться.

— Поживите, дяденька, — вопил противень, — не во мне же щи варить.

— Хам! — гаркнула скалка и кинулась. Едва отскочил противень, только носок отшибла ему скалка.

— Батюшки, драка! — заметалась кочерга.

Из печурки выкатилась солоница¹ и запикала:

— Не нужно ли кого посолить?

— Успеешь, успеешь насолить, — грустно ответил горшок: он был стар и мудр.

¹ Солоница — солонка.

Стряпуха стала причитать во сне:

— Родненькие мои горшочки!

Горшок заторопился, снял крышку.

— Прощай, честной народ, сейчас разобьюсь.

И совсем уже с шестка сигануть хотел, как вдруг, спросонок, ухватил его рогами дурень ухват и махнул в печь.

Противень прыгнул за горшком, заслонка закрылась сама собой, а скалка скатилась с шестка и ударила по голове стряпуху.

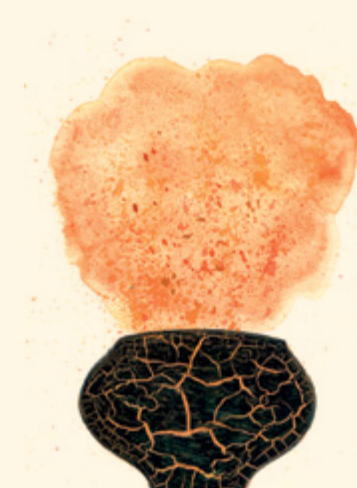
— Чур меня, чур... — залопотала стряпуха. Кинулась к печке — всё на месте, как было.

В окошке брезжил, словно молоко снятое, утренник¹.

— Затоплять пора, — сказала стряпуха и зевнула, вся даже выворотилась.

А когда открыла заслонку — в печи лежал горшок, расколотый на две половинки, щи пролились, и шёл по избе дух крепкий и кислый.

Стряпуха только руками всплеснула. И попало же ей за завтраком!

¹ Утренник — утренний мороз до восхода солнца; бывает весной и осенью.

КУРИНЫЙ БОГ

Мужик пахал и сошником¹ выворотил круглый камень, посреди камня дыра.
— Эге, — сказал мужик, — да это куриный бог.
Принёс его домой и говорит хозяйке:

— Я куриного бога нашёл, повесь его в курятнике, куры целее будут.

Баба послушалась и повесила за мочалку камень в курятнике, около насеста.

Пришли куры ночевать, камень увидели, поклонились все сразу и закудахтали:

— Батюшка Перун², охрани нас молотом твоим, камнем грозовым от ночи, от немочи, от росы, от лисиной слезы.

Покудахтали, белой перепонкой глаза закрыли и заснули.

Ночью в курятник вошла куриная слепота, хочет измором кур взять.

Камень раскачался и стукнул куриную слепоту, — на месте осталась.

За куриной слепотой следом вползла лиса, сама, от притворства, слёзы точит, приловчилась петуха за шейку схватить, — ударил камень лису по носу, покатила лиса кверху лапками.

¹ Сошник — острый наконечник, подрезающий пласт земли, проводящий в почве бороздки.

² Перун — в славянской мифологии бог-громовержец.

К утру налетела чёрная гроза, трещит гром, полыхают молнии — вот-вот ударят в курятник.

А камень на мочалке как хватит по насесту, попадали куры, разбежались спросонок кто куда.

Молния пала в курятник, да никого не ушибла — никого там и не было.

Утром мужик да баба заглянули в курятник и подивились:
— Вот так куриный бог — куры-то целёхоньки.

захотела свинья ландшафт¹ писать. Подошла к забору, в грязи обвалялась, потёрлась потом грязным боком о забор — картина и готова.

Свинья отошла, прищурилась и хрюкнула.

Тут скворец подскочил, попрыгал, попикал и говорит:

— Плохо, скучно!

— Как? — сказала свинья и насупилась — прогнала скворца.

Пришли индюшки, шейками покивали, сказали:

— Так мило, так мило!

А индюк шаркнул крыльями, надулся, даже покраснел и гаркнул:

— Какое великое произведение!..

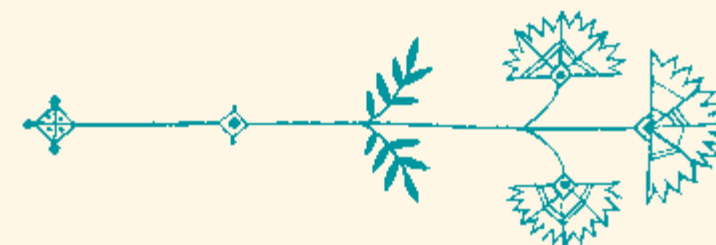
Прибежал тощий пёс, обнюхал картину, сказал:

— Недурно, с чувством, продолжайте, — и поднял заднюю ногу.

Но свинья даже и глядеть на него не захотела. Лежала свинья на боку, слушала похвалы и похрюкивала.

В это время пришёл маляр, пхнул ногой свинью и стал забор красной краской мазать.

Завизжала свинья, на скотный двор побежала:

¹ Л а н д ш а ф т — рисунок, картина, изображающие природу.

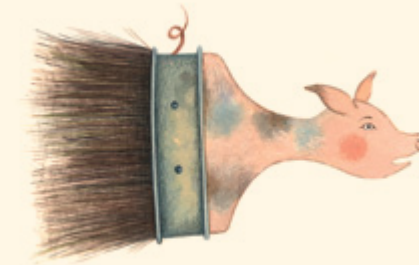

— Пропала моя картина, замазал её маляр краской... Я не переживу горя!..

— Варвары, варвары... — закурлыкал голубь.

Все на скотном дворе охали, ахали, утешали свинью, а старый бык сказал:

— Врёт она... переживёт.

МАША И МЫШКИ

пи, Маша, — говорит нянюшка, — глаза во сне не открывай, а то на глаза кот прыгнет.

— Какой кот?

— Чёрный, с когтями.

Маша сейчас же глаза и зажмурила. А нянька залезла на сундук, покряхтела, повозилась и носом сонные песни завела. Маша думала, что нянька из носа в лампадку¹ масла наливает.

Подумала и заснула.

Тогда за окном высыпали частые, частые звёзды, вылез из-за крыши месяц и сел на трубу...

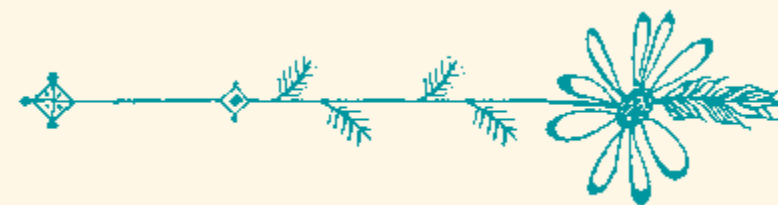
— Здравствуйте, звёзды, — сказала Маша.

Звёзды закружились, закружились, закружились. Смотрит Маша — хвосты у них и лапки. Не звёзды это, а белые мыши бегают кругом месяца.

Вдруг под месяцем задымилась труба, ухо вылезло, потом вся голова — чёрная, усатая.

Мыши метнулись и спрятались все сразу.

Голова уползла, и в окно мягко прыгнул чёрный кот; волоча хвост, заходил большими шагами, всё ближе, ближе к кровати, из шерсти сыпались искры.

¹ Лампада — небольшой сосуд с фитилём, наполняемый деревянным маслом и зажигаемый перед иконами.

«Глаза бы только не открыть», — думает Маша.

А кот прыгнул ей на грудь, сел, лапами упёрся, шею вытянул, глядит.

У Маши глаза сами разлепляются.

— Нянюшка, — шепчет она, — нянюшка.

— Я няньку съел, — говорит кот, — я и сундук съел.

Вот-вот откроет Маша глаза, кот и уши прижал...

Да как чихнёт.

Крикнула Маша, и все звёзды-мыши появились откуда ни возьми, окружили кота; хочет кот прыгнуть на Машины глаза — мышь во рту, жрёт кот мышей, давится, и сам месяц с трубы сполз, поплыл к кровати, на месяце нянькин платок и нос толстый...

— Нянюшка, — плачет Маша, — тебя кот съел... — И села.

Нет ни кота, ни мышей, а месяц далеко за тучками плывёт.

На сундуке толстая нянька выводит носом сонные песни.

«Кот няньку выплюнул и сундук выплюнул», — подумала Маша и сказала:

— Спасибо тебе, месяц, и вам, ясные звёзды.

царевны Марьяны была нянька Дарья.

Пошла Дарья на базар, купила кенареечную птичку и повесила на окно. Царевна Марьяна в кровати лежит и спрашивает:

— Нянька, а как птицу зовут?

— Кенареечная.

— А почему?

— Потому что конопляное семя ест.

— А где её дом?

— На солнышке.

— А зачем она ко мне прилетела?

— Чтобы тебе песни петь, чтобы ты не плакала.

— А если заплачу?

— Птичка хвостом тряхнёт и улетит.

Жалко стало царевне с птичкой расстаться, глаза Марьяна потёрла и заплакала.

А птичка хвостом тряхнула, открыла клетку, шмыг за окно и улетела.

Принялась Дарья царевне Марьяне глаза фартуком вытирать и говорит:

— Не плачь, я сбегаю, великана Веньку позову, он птичку нам поймает.

Пришёл высокий великан Венька, о четырёх глазах — два глаза видно, а два не видно.

Постоял Венька и говорит:

— Я есть хочу.

Принесла ему Дарья горшок каши.

Великан кашу съел и горшок съел, нашёл нянькины башмаки и башмаки съел — такой был голодный, — рот вытер и убежал.

Прибегает великан в Марьянин сад, а в саду на яблоне кенареечная птичка сидит и клюёт красные яблоки. Великан и думает: что ему сначала схватить — яблоко или птичку?

И пока думал, явился лютый медведь и говорит:

— Ты зачем кенареечную птицу ловишь? Я тебя съем.

И стал медведь лапой землю скрести.

Великан испугался, сел на дом и ноги поджал, а птичка шмыг в кусты и улетела за озеро.

Огорчился великан и принялся думать, как ему медведя перехитрить; придумал, — нарочно испугался и закричал:

— Ой, рыжий бык бежит, ой, боюсь!

Медведь одного только рыжего быка и боялся на свете, сейчас же лёг на бок и морду в кусты засунул — спрятался.

А великан с крыши слез и к озеру побежал.

Озеро было длинное — не перейти, а на той стороне на ветке птичка сидит.

Великан был догадливый, сейчас же лёг на берег и стал озеро пить.

Пил, пил, пил, пил, пил, пил, пил, пил, пил, пил и выпил всё озеро вместе с лягушками.

Встал на четвереньки и побежал за птичкой по сухому дну.

А птичка дальше в тёмный лес улетела.

Неудобно великану по лесу идти, деревья за подмышки задевают, озеро в животе с лягушками плещется, и настаёт тёмный вечер.

По вечерам лягушки квакать привыкли, и принялись они в животе у великана громко квакать.

Великан испугался, стал аиста звать.

Проснулся белый аист; стоял он на одной ноге на сухом пенёчке; глаза протёр, подождал, пока луна взойдёт, чтобы виднее было, подлетел к великану и говорит:

— Раскрой рот.

Великан раскрыл рот, аист туда голову сунул, поймал лягушонка и проглотил.

Тогда кричит из живота лягушинный царь:

— Прогони белого аиста, я тебе сундучок подарю, без него птички не поймаешь.

Великан знал, что лягушинный царь — честный, рот закрыл и говорит:

— Уходи, белый аист, чай, уж наелся.

А лягушинный царь вылез в великанов рот, лапой подал хрустальный сундучок и объяснил:

— В сундуке туча, в туче с одного краю молния, с другого — дождик, сначала погрозись, потом открывай, птица сама поймается.

Обрадовался великан, взял сундучок и дальше побежал за кенареечной птичкой.

А птичка через тёмный овраг летит и через высокую гору, и великан через овраг лезет, и на гору бежит, пыхтит, до того устал — и язык высунул, и птичка язык высунула.

Великан и кричит птичке:

— Царевна Марьяна приказала тебя поймать, остановись, а то сундучок открою...

Не послушалась птичка великана, только ногой по ветке топнула.

Тогда великан открыл сундучок.

Вылетела из сундучка сизая туча, кинулась к птичке и заворчала.

Испугалась птичка, закричала жалобно и метнулась в кусты.

И туча в кусты полезла.

Птичка под корень, и туча под корень.

Взвилась птичка в небо, а туча ещё выше, да как раскатилась громом и ударила в птичку молнией — трах!

Перевернулась птичка, посыпались с неё кенареечные перья, и вдруг выросли у птицы шесть золотых крыльев и павлиний хвост.

Пошёл от птицы яркий свет по всему лесу.

Зашумели деревья, проснулись птицы.

Ночные русалки с берега в воду попрыгали.

И закричали звери на разные голоса:

— Жар-птица, Жар-птица!!!

А туча напыжилась и облила Жар-птицу мокрым дождём.

Замочил дождик золотые крылья Жар-птице и павлиний хвост, сложила она мокрые крылья и упала в густую траву.

И стало темно, ничего не видно. Великан в траве пошарил, схватил Жар-птицу, сунул за пазуху и побежал к царевне Марьяне. Царевна Марьяна привередничала, губы надула сковородником¹, пальцы растопырила и хныкала:

— Я, нянька, без кенареечной птички спать не хочу.

Вдруг прибежал великан и на окно посадил Жар-птицу.

И в комнате светло, как днём.

Жар-птица за пазухой у великана пообсохла, теперь крылья расправила и запела:

*Я медведя не боюсь,
От лисы я схоронюсь,
Улечу и от орла,
Не догонит в два крыла.*

¹ Сковородник — укреплённая на рукояти железная лопаточка с крючком для захватывания горячей сковороды.

СОДЕРЖАНИЕ

*А боюсь я только слёз,
Ночью дождика и рос,
И от них умчуся я
За леса и за моря.
Свету-Солнцу я сестрица,
И зовут меня Жар-птица.*

Спела Жар-птица, потом сделала страшные глаза и говорит:
— Вот что, никогда, Марьяна, не хныкай, слушайся няньку Дарью, тогда я каждую ночь буду к тебе прилетать, петь песни, рассказывать сказки и во сне показывать раскрашенные картинки.

Затрещала крыльями Жар-птица и улетела.

Кинулась Дарья опять за великаном, а великан спал в саду — одна нога в пруду, другая на крыше, и в животе лягушки квакали.

Царевна же Марьяна больше плакать не стала, глазки закрыла и заснула.

Знала Марьяна, что каждую ночь будет прилетать к ней Жар-птица, садиться на кровать и рассказывать сказки.

СОРОКА	5
МЫШКА	7
КОЗЁЛ	8
ЁЖ	9
ЛИСА	10
ЗАЯЦ	11
КОТ ВАСЬКА	14
СОВА И КОТ	15
МУДРЕЦ	19
ГУСАК	21
ГРИБЫ	25
РАЧЬЯ СВАДЬБА	29
ПОРТОЧКИ	33
МУРАВЕЙ	35
ПЕТУШКИ	37
МЕРИН	41
ВЕРБЛЮД	43
ГОРШОК	45
КУРИНЫЙ БОГ	49
КАРТИНА	51
МАША И МЫШКИ	55
ЖАР-ПТИЦА	57

УДК 821.161.1-34-93(081)
ББК 84(2=411.2)6-45я44
Т53

Иллюстрации Яны Седовой

Толстой, Алексей Николаевич
Т53 Сорочьи сказки : [сб. сказок] / А. Н. Толстой ; ил. Я. М. Седовой. — М. : Нигма, 2017. — 64 с. : ил.

Писатель редкого дара Алексей Николаевич Толстой стремился раскрыть перед юными читателями богатство образов и красоту русского устного народного творчества. Первые свои опыты работы над сказочной прозой писатель опубликовал отдельной книгой ещё в 1910 году. Изначально сборник «Сорочьи сказки» включал сорок одну сказку, каждая из которых содержит яркий и выразительный язык русского народного фольклора. И только в 1923 году при переиздании своих ранних произведений Толстой разделил эти сказки на два цикла: «Русалочьи сказки» с волшебными сюжетами и «Сорочьи сказки» о животных.

В издательстве «Нигма» в 2016 году вышла книга «Русалочьи сказки» с рисунками талантливой художницы Яны Седовой. Предлагаемое издание также проиллюстрировано её замечательными работами.

ISBN 978-5-4335-0505-6

© А. Н. Толстой, наследники, 2017
© Я. М. Седова, иллюстрации, 2017
© ООО ТД «НИГМА», 2017

Литературно-художественное издание

Алексей Николаевич Толстой

СОРОЧЬИ СКАЗКИ

Сборник сказок

Для среднего школьного возраста

Иллюстрации Яны Седовой

Ответственный редактор *Е. Карпова*
Редактор *А. Тимакова*
Младший редактор *А. Равинская*
Художественный редактор *Н. Акимова*
Корректоры: *А. Баскаева, С. Войнова, А. Волкова*
Вёрстка: *К. Семёнов*

Подписано в печать 31.10.2016
Формат 60×90/8
Физ. печ. л. 8
Усл. печ. л. 8
Тираж 5000 экз.
Заказ № 112803

ООО ТД «НИГМА»
125239, г. Москва, Старокоптевский пер., д. 9А, стр. 2
Телефон (495) 921-39-07
www.nigmabook.ru

Отпечатано в типографии «PNB Print», Латвия
www.pnbprint.eu

